

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.083-091
УДК 903.26

К.В. Конончук¹, А.Г. Марочкин^{2, 3}

¹Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: konstantinkonon@mail.ru

²Институт экологии человека ФИЦ УВХ СО РАН
Советский пр., 18, Кемерово, 650000, Россия

³Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия
E-mail: comcon@yandex.ru

Предметы художественной металлопластики из окрестностей Томской писаницы

В статье впервые введена в научный оборот информация о нескольких уникальных древних предметах художественной металлопластики, обнаруженных в 1970-х, 1990-х и 2010-х гг. возле Томской писаницы: одной зооморфной фигурке, двух антропоморфных личинах и одной орнитоформной подвеске. Определены их аналогии в культовых и погребальных комплексах Южной и Западной Сибири. Аргументировано стилистическое тождество фигурки лошади/кулана некоторым категориям скифо-сибирского культового литья из материалов тагарской и кижировской культур V–IV вв. до н.э. Обоснована принадлежность антропоморфных личин к томско-нарымскому варианту позднекулайского культового литья и предложена их датировка в пределах I в. до н.э. – V в. н.э. с возможным омоложением до VI в. н.э. в аспекте формирования посткулайских раннесредневековых культур. Установлено, что орнитоформное изображение, датированное VI–VII вв. н.э., относится к транскультурному раннесредневековому канону, восходящему к позднекулайской изобразительной традиции. Предположена общность Томской писаницы с культовыми местами раннего железного века и раннего Средневековья Западной и Южной Сибири, выраженная в практике вотивных захоронений вещей, в т.ч. предметов художественной металлопластики. Обозначена семантическая связь подобных практик в окрестностях Томской писаницы с североазиатской традицией «жертвенников» вблизи наскальных изображений. Высказана версия о вариативности форм культового отношения позднекулайского населения к нижнетомским петроглифам в первой половине I тыс. н.э.

Ключевые слова: художественное литье, ранний железный век, раннее Средневековье, культовое место, Томская писаница.

K.V. Kononchuk¹ and A.G. Marochkin^{2, 3}

¹Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaya nab. 18, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: konstantinkonon@mail.ru

²Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Sovetsky pr. 18, Kemerovo, 650000, Russia

³Kemerovo State University,
Krasnaya 6, Kemerovo, 650000, Russia
E-mail: comcon@yandex.ru

Artistic Metalwork Found Near the Tomskaya Pisanitsa

We describe rare toreutic items found in the 1970s, 1990s, and 2010s near the Tomskaya Pisanitsa rock art site—a zoomorphic figurine, two anthropomorphic masks, and an ornithomorphic pendant. Parallels among the ritual and funerary artifacts from Southern and Western Siberia are discussed. The figurine representing a horse or an onager resembles certain examples of ritual toreutic art of the Tagar and Kizhirovo cultures (500–300 BC). Anthropomorphic masks represent the Tomsk-Narym variant of late

Kulaika toreutics (100 BC to 500 AD) but may be as late as the sixth century, being associated with the post-Kulaika early medieval tradition. The ornithomorphic figurine, dating to 500–700 AD, belongs to the early medieval trans-cultural tradition that had originated from late Kulaika art. The Tomskaya Pisanitsa site resembles Early Iron Age and early medieval sanctuaries of Western and Southern Siberia with votive hoards of artifacts including toreutic ones. Such sites are part of the Northern Asian tradition of offerings made near rock art galleries. Hypotheses are advanced about the attitudes of the late Kulaika people to rock art sites in the first half of the first millennium AD.

Keywords: Artistic metalwork, Early Iron Age, Early Middle Ages, sanctuaries, rock art, Tomskaya Pisanitsa.

Введение

В июле 2015 г. при расчистке одной из расщелин над скальными плоскостями Томской писаницы участник петроглифической экспедиции А.С. Техтереков обнаружил литую фигурку лошади или кулана. В разные годы в окрестностях памятника были обнаружены еще три предмета художественной металлопластики: две антропоморфные личины и орнитоморфная подвеска. Из них только изображение птицы частично опубликовано [Ковтун, 2001, с. 45], остальные в силу разных причин оставались неизвестными научному сообществу. Анализ этих предметов позволяет вернуться к вопросу о культовых практиках на крупнейшем петроглифическом комплексе Нижнего Притомя.

Описание предметов художественной металлопластики

Бляха в виде фигурки кулана/лошади. Обнаружена в нижней части расщелины-водотока, протянувшейся с северо-запада на юго-восток над пло-

скостью с наскальными изображениями 2-й группы (рис. 1). Предмет лежал в толще рыхлых отложений каменной крошки и земли и, скорее всего, был перемещен относительно первоначального месторасположения. Бляха представляет собой рельефную фигуру лошади или кулана, повернутую влево, с вытянутой вперед шеей и опущенной головой (рис. 2). На оборотной стороне находится петля для горизонтального ремня. Размеры предмета $46 \times 27 \times 10$ мм, масса 16,88 г. Вся поверхность покрыта патиной. Элементный состав определен рентгенофлуоресцентным методом на спектрометре ArtTAX (Brüker) в отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа (эксперт С.В. Хаврин): медь – более 97 %, мышьяк – 0,5–1,0, свинец – 0,2–0,6, никель – 0,1–0,5, железо – 0,1–0,5 %, олово – следы. Фактически предмет выполнен из чистой меди.

Формы трактованы реалистично. Надо лбом выщипана челка. Овально-треугольные уши поставлены вертикально, правое чуть выдается вперед. Глаз передан овалом. Ноздри и рот слабо различимы из-за патины. Голова отграничена от шеи более высоким рельефом скул. Холка передана в виде выраженного горбика. Лопатка показана в более высоком рельефе, чем туловище и бедро. Последнее отграничено от живота вырезом. Ноги массивные, короткие. Длинный хвост опущен и примыкает к голеним задних ног.

Антропоморфная личина с приоткрытой верхней частью. Найдена в 1970-х гг. на площадке над скалой с изображениями 2-й группы (по устному сообщению В.В. Боброва). Находчик неизвестен, как и достоверный контекст обнаружения. Личина выполнена в технике плоского одностороннего литья. Размеры изделия $55 \times 18 \times 2$ мм, масса 9,58 г. Форма предмета приближена к эллипсоидной, с острым окончанием верхней части и вытянутым прямоугольным основанием, края которого не обработаны после отливки. Изображение нанесено с внешней, «выпуклой» стороны (рис. 3).

Рис. 1. Томская писаница.

1 – плоскость с наскальными изображениями; 2 – место обнаружения фигурки лошади/кулана.

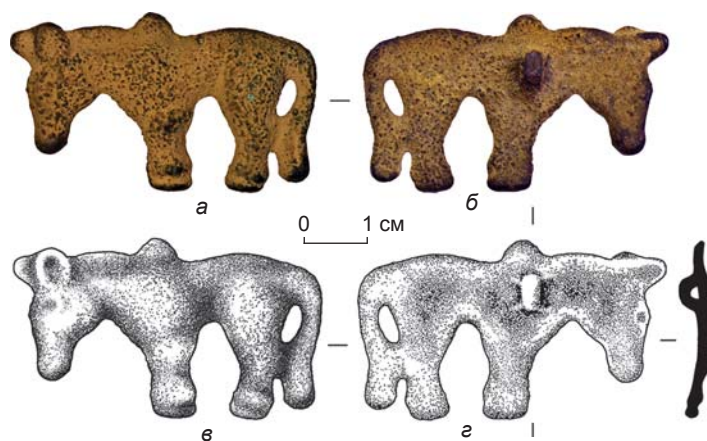

Рис. 2. Подвеска в виде фигурки лошади/кулана.
а, б – фото; в, з – рисунок; а, в – лицевая сторона, б, з – обратная.

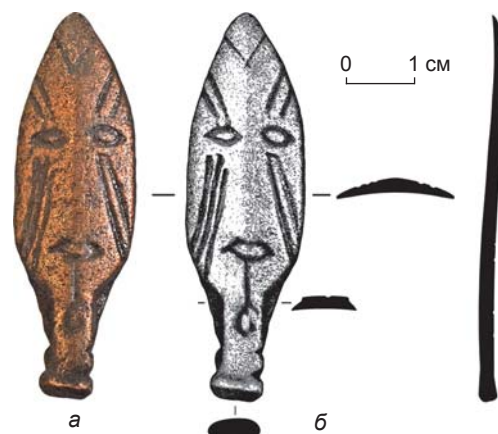

Рис. 3. Антропоморфная личина с приостренной вершиной.
а – фото; б – рисунок.

Черты лица и элементы головного убора показаны слегка углубленными контурами. Поперечный разделитель между лицом и головным убором отсутствует, как и какие-либо рельефные обозначения носа и подбородка. Острой вершине предмета приданы ромбовидные очертания посредством V-образного знака. Глаза и рот изображены в виде изоморфных горизонтальных эллипсов с незаполненным внутренним пространством. Над глазами расположены парные короткие линии, направленные от краев личины к ее центру. По диагонали вниз от правого глаза идут три слегка изогнутые линии, от левого – две почти прямые. От рта до середины шеи-основания проведена вертикальная линия с петлевым окончанием. В нижней части основания на боковые грани симметрично нанесено по две небольшие риски, вероятно, для крепления предмета к какой-либо основе. Низ основания подчеркнут небольшим барельефным валиком.

Антропоморфная личина с усеченной верхней частью. Обнаружена в 1990-х гг. на правом берегу р. Писаной, неподалеку от ее устья, т.е. в непосредственной близости от 1-й группы рисунков (устное сообщение Г.С. Мартыновой). Сохранность изделия достаточно хорошая, большая часть поверхности покрыта благородной патиной. Личина выполнена в технике плоского литья. По абрису фиксируются незачищенные литейные заусенцы. Размеры предмета $59 \times 33 \times 2$ мм, масса 27,3 г. Форма изделия полуовальная, с усеченной верхней частью. Внизу выделена шея-основание подпрямоугольной формы. Симметрично ей на верхнем срезе расположен небольшой подпрямоугольный выступ. Изображение нанесено на внешней, «выпуклой» стороне (рис. 4).

Глаза и рот показаны изоморфными горизонтальными эллипсами с незаполненным внутренним про-

странством. От глаз вниз расходятся парные диагональные линии. Барельефом обозначены линия головного убора или бровей, нос либо наносник шлема, а также усы.

Орнитоморфная подвеска. Обнаружена у подножия скалы, поблизости от рисунков 2-й группы в 1991 г. сотрудником музея-заповедника (по устному сообщению Г.С. Мартыновой). Подвеска представляет собой реалистичное изображение хищной птицы (сокола или орла) в т.н. геральдической позе. Размеры предмета $50 \times 33 \times 22$ мм, масса 18,67 г. Изделие выполнено в технике плоского одностороннего литья. Сохранность хорошая, вся поверхность покрыта благородной патиной (рис. 5). Лицевая сторона подвески выпуклая, обратная – слабоогнутая, без изображений, на ней сверху сохранились остатки петли

Рис. 4. Антропоморфная личина с усеченной вершиной.
а – фото; б – рисунок.

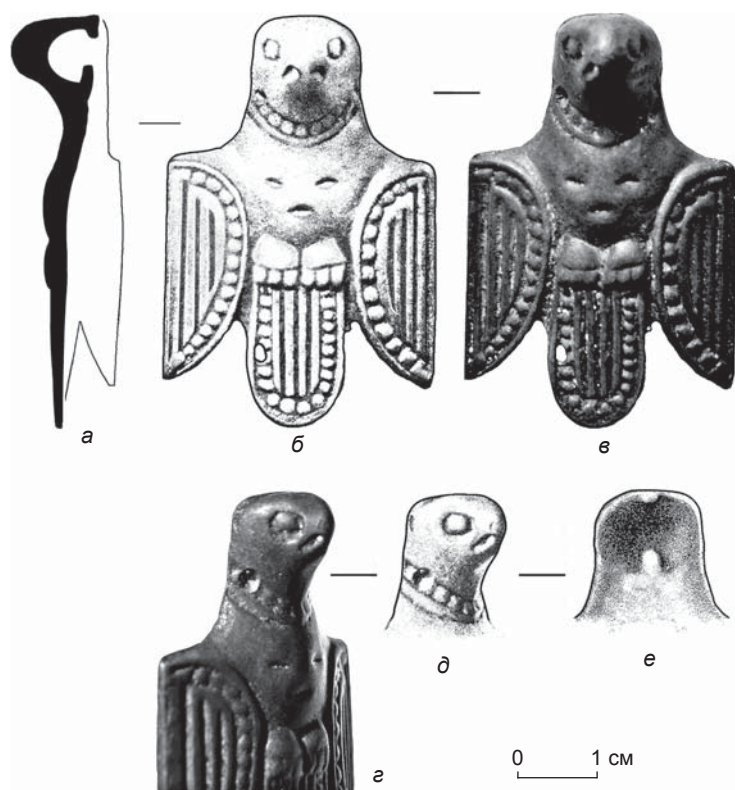

Рис. 5. Орнитоморфная подвеска.

а, б, д, е – рисунок; в, г – фото; а – продольное сечение по центру; б, в – вид анфас; г, д – вид верхней части в профиль; е – оборотная сторона в верхней части.

для продевания ремешка. Справа в области шеи птицы имеется патинированное конусовидное углубление, происхождение и назначение которого остаются неясными.

Рельефно выделена голова, на которой углублениями обозначены округлые глаза и загнутый клюв. Длинная шея украшена полукруглым «ожерельем». Опущенные вниз крылья и удлиненный полуovalный хвост оконтурены валиками и мелким «жемчужником», а их внутреннее пространство заполнено вертикальными валиками. Над хвостом рельефно выделены лапы с поджатыми когтями. На груди птицы тремя линзовидными углублениями показана стилизованная личина.

Культурно-хронологическая принадлежность предметов в свете стилистических аналогий

Культурно-хронологическая атрибуция археологических предметов, найденных вне контекста, чаще всего основана на методе аналогий и нередко гипотетична. Однако для рассматриваемых изделий круг стилистически близких предметов очерчивается достаточно четко. По всей видимости, наиболее древней

среди этих изделий является зооморфная бляха-подвеска в виде фигурки лошади/кулана. Данный образ, по мнению специалистов, возник в Южной Сибири в скифское время и связан с культурой степных племен [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 46]. В южно-сибирской металлопластике этого времени изображение стоящей лошади или кулана использовалось при оформлении ручек котлов, горельефов и наверший на рукоятках ножей тагарской культуры [Амзараков, 2012; Завитухина, 1983, с. 64]. В Ачинско-Мариинской лесостепи и к северу от нее известна серия объемных фигурок кулана с подогнутыми ногами, «лежащих» на бронзовых зеркалах, – в материалах Айдашинской пещеры [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. XI, 5; XII], Ишимского клада [Плотников, 1987, рис. 1, 1–11]. Подобный предмет был найден в Минусинской котловине [Завитухина, 1983, с. 64, рис. 156]. Такие фигурки предлагалось датировать переходным тагаро-таштыкским временем [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 45–46].

Наиболее близки, почти идентичны зооморфной бляхе-подвеске литые фигурки лошадей из Степановки и Шеломокского клада в Томском Приобье [Плетнёва, 1976, рис. 27, 15; 2012, с. 18–20]. Помимо

объемного исполнения, общим для всех предметов является наличие на оборотной стороне крепежного устройства – петли (на находках из Шеломокского клада и окрестностей Томской Писаницы) и стерженька со шляпкой (на фигурке из Степановки). При анализе степановской находки Л.М. Плетнева обосновала ее типологическое сходство с фигурками V–IV вв. до н.э. из тагарского могильника Малая Иня (юг Красноярского края) [Членова, 1967, табл. 25, 21] и святилища на Лысой горе на р. Яя (северные предгорья Кузнецкого Алатау) [Там же, табл. 34, 6; Мартынов, 1976, рис. 1, 63]. Эти аналогии справедливы и для фигурки из окрестностей Томской писаницы. С учетом вышесказанного время создания данного зооморфного изображения в пределах V–IV вв. до н.э. При этом допустимо более позднее размещение предмета на скале. В культурном отношении изделие близко тагарским древностям Ачинско-Мариинской лесостепи или кижировским (шеломокским) комплексам Томского Приобья, генетически связанным с тагарским миром.

Обе антропоморфные личины являются образчиками антропоморфного литья, сформировавшегося на позднем этапе существования кулайской исторической общности в юго-восточной части ее ареала

(по Ю.П. Чемякину – томско-нарымский вариант кулайской металлопластики) [Чемякин, 2013]. По типологии Ж.Н. Труфановой, овальные личины с приостренной вершиной составляют II иконографический тип антропоморфных изображений кулайского плоскостного литья, а усеченно-овальные – IV [2003, с. 16]. Для обоих предметов следует отметить такую типичную позднекулайскую черту, как «небрежность» исполнения, выраженную в незачищенных краях и других мелких дефектах [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 7–8].

«Остроголовое» изображение из окрестностей Томской писаницы в рамках II иконографического типа имеет выраженное сходство с «шлемоголовой» парабельской личиной из Среднего Приобья, датированной специалистами последней третью I тыс. до н.э. [Чиндина, 1984, с. 75, 106] или рубежом эр [Бородавский, 2015, с. 94]. Еще более близки этому изделию две позднекулайские личины из коллекции случайных сборов Новосибирского краеведческого музея [Полосьмак, Шумакова, 1991, рис. 8, 5, 6]. Иконографически их сближают «остроголовость», округлость форм, наличие выраженной шеи-основания, штриховой декор предполагаемой области головного убора, эллипсоидные очертания глаз и рта. Примечательны изогнутые линии-«татуировки» под глазами. Особенности личины из окрестностей Томской писаницы в ее миниатюрности, подчеркнутой схематичности, отсутствии разделительных линий между лицом и областью головного убора, а также изображений носа и подбородка.

Очень большое сходство рассматриваемый нами предмет имеет с приостренной личиной из насыпи кург. 60 Тимирязевского курганного могильника I, датированного О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой V–VI вв. н.э. и относимого к началу раннего Средневековья [1983, рис. 12, 7]. Однако этот период в Томском Приобье авторы соотносят с финалом слияния местного населения с кулайским [Там же, с. 127], что в принципе подтверждает связь личин подобного типа с позднекулайской изобразительной традицией. Наконец, отметим отличия находки из окрестностей Томской писаницы от ромбовидных антропоморфных личин, формирующих раннесредневековый транскультурный предметный комплекс Западной Сибири [Бородавский, 2015]: округленность очертаний, отсутствие барельефных элементов и крепежных выступов на торцах [Там же, рис. 1, 3, 4].

Личина с усеченной верхней частью находит многочисленные аналогии в материалах культовых мест и кладов Томско-Нарымского Приобья и Среднего Притомья. Можно отметить предметы из Кулайского и Парабельского культовых мест [Чиндина, 1984,

рис. 17, 3, 4; 35, 3], Ишимского [Плотников, 1987, рис. 1, 1] и Елыкаевского [Могильников, 1968, рис. 3, 9] кладов. Появление и бытование подобных изделий определяется Л.А. Чиндиной в пределах саровского этапа [1984, с. 122], но она допускает и средневековый возраст некоторых из них, в частности, личин с Лисьего мыса и из Елыкаевского клада [Чиндина, 1991, рис. 20, 8, 9]. В последнем случае это не противоречит предложенной ранее В.А. Могильниковым средневековой атрибуции Елыкаевской коллекции [1968, с. 268].

Вместе с тем на датировку т.н. «смешанных» кладов Западной Сибири, в которых имеются аналогичные рассматриваемым личины, существуют две точки зрения. Одна представлена в работах В.А. Могильникова [1968] и Ю.А. Плотникова [1987, с. 125], датирующих подобные скопления вещей средневековым временем из-за наличия предметов вооружения из железа. Другая точка зрения изложена Ю.В. Шириним, который, исходя из морфологии железного оружия фоминской культуры и отсутствия средневековых поясных наборов, предложил ограничить верхнюю дату «смешанных» кладов V в. н.э. и связать их с позднекулайской традицией votивных «захоронений» вещей в культовых местах [1993, с. 159–161; 2003, с. 120]. Подобное предположение представляется более доказательным, и если оно верно, то «средневековый» возраст некоторых антропоморфных личин может быть пересмотрен в сторону удревления. Впрочем, в литературе неоднократно отмечалась генетически обусловленная близость позднекулайской и раннесредневековой (релкинской) металлопластики, дифференциация которых зачастую возможна только в контексте [Чиндина, 1991, с. 61–63, 66–68]. Учитывая это, логичным будет датировать рассматриваемые личины в широком диапазоне, от рубежа эр и вплоть до VI в., с констатацией их поздне- или посткулайской принадлежности.

Стилистический канон, согласно которому выполнена орнитоморфная подвеска, также сложился в позднекулайское время [Чиндина, 1984, с. 72–74; Труфанова, 2003, с. 19]. В раннем Средневековье этот образ получил широкое, транскультурное распространение на Урале и в Западной Сибири, в т.ч. в релкинской и верхнеобской культурах Верхнего и Среднего Приобья [Чиндина, 1991, с. 58–59, рис. 22, 2; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 19]. Применительно к Среднему Притомью и Кузнецкой котловине наиболее поздняя датировка подобных изображений не выходит за пределы VI–VII вв. н.э. [Кузнецов, 2013]. По всей видимости, именно этим временем следует датировать и подвеску из окрестностей Томской писаницы.

Находки в контексте культовых мест раннего железного века и раннего Средневековья Западной Сибири

Обнаруженные предметы разновременные. Наиболее раннее изображение имеет тагарский или кижировский облик и датируется серединой – второй половиной I тыс. до н.э., а остальные связаны с поздне- или посткулайским культовым литьем и относятся к первой половине I тыс. н.э., возможно, VI–VII вв. н.э. Еще раз отметим, что предметы не образуют единого локального скопления, как на Парабельском или Ишимском культовых местах. Их «захоронение» связано с участками, отстоящими друг от друга на десятки метров. Вероятнее всего, мы имеем дело с остатками нескольких разновременных кладов или с размещением одиночных предметов. К сожалению, остается неизвестным полный археологический контекст этих замечательных находок. Вместе с тем концентрация «эксклюзивных» предметов на относительно небольшом участке местности требует объяснения. В качестве такового вполне логичным будет допустить отношение находок к культовому месту, по аналогии с хорошо известными культовыми памятниками раннего железного века и раннего Средневековья (Кулайская гора, Парабельское, Ишимское и др.).

Общеизвестна обязательная приуроченность культовых мест Урало-Западносибирского региона к примечательному, необычному элементу ландшафта. В лесной зоне Урала таковыми являются пещеры, скалы, горы, холмы, острова на озерах, болота [Культовые памятники..., 2004, с. 315–316]; в Западной и Южной Сибири – чаще всего господствующие над местностью холмы (Кулайская гора и Парабельское культовое место в Среднем Приобье, ритуальный комплекс в устье р. Киргизки и культовые объекты на поселении Шеломок в Томском Приобье [Плетнёва, 2012, с. 168], Лысая гора в Томско-Яйском междуречье), как более редкие варианты – острова и пещеры (Ишимский клад в Томь-Чулымском междуречье [Плотников, 1987], Айдашинская пещера в Ачинско-Мариинской лесостепи [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980; Молодин, 2006, с. 43–59]). Томская писаница в полной мере отвечает этим требованиям – живописная, нависающая над реками Томью и Писаной крутая скала, образующая цоколь высокого холма. В совокупности геоморфологическая специфика и представленные находки художественной металлопластики сближают ее с другими культовыми местами раннего железного века и начала раннего Средневековья Западной Сибири. Считаем наиболее вероятным, что фигурка лошади/кулана связана с культовыми практиками докулайского, скифского населения Притомья, а остальные предметы – с позднекулайским или посткулайским периодом функционирования святилища.

Находки как проявление традиции сооружения жертвенников у петроглифических комплексов

Термин «жертвенное место»/«жертвенник» для археологических материалов, обнаруженных близ писаниц, впервые использован О.Н. Бадером в 1950-х гг. (см.: [Мазин, 1994, с. 67]). Немногим позже подобная идея сформулирована А.П. Окладниковым при анализе писаниц Суруктах-Хая в Якутии и Нарин-Хундуй в Забайкалье [Окладников, Запорожская, 1969, с. 6, 40; 1972, с. 9–10]. Им выделены критерии такого рода культовых памятников: продолжительность функционирования, наличие сакральных предметов (приспособления для добывания огня, наконечники стрел и др.) и присутствие следов ритуальных жертвоприношений, имеющих аналогии в этнографии [Окладников, Запорожская, 1970, с. 114; 1972, с. 35–41, 78–81].

А.В. Тиваненко рассматривал писаницы как элемент культовых мест, связанных с почитанием духов местности. Признаки святилища он видел в локализации разновременного археологического материала вблизи плоскостей (под ними, над ними, в расщелинах и т.д.) [Тиваненко, 1989, с. 5, 6; 1990, с. 92–94, 97]. А.И. Мазин выделил два типа жертвенников при писаницах Приамурья – грунтовые (характерны для лесной зоны) и расположенные в специальных каменных оградках (распространены в степном и лесостепном Восточном Забайкалье). Им обозначены четыре основных вида культовых практик: нанесение рисунков и очищение огнем, после чего скала становилась неприкосновенной; нанесение дополнительных рисунков; приношение подручных вещей при случайном приближении к петроглифам; приношение вещей в ходе специального посещения [Мазин, 1994, с. 67–71]. Предложенная схема, с нашей точки зрения, во многом универсальна. Имеющиеся данные говорят о широком распространении подобной практики на территории Северной Азии в древности, Средневековье и этнографической современности.

Урал. Начиная с 1940-х гг. ведутся исследования археологического контекста уральских писаниц [Бадер, 1954, с. 254]. Самым изученным в этом отношении комплексом является Вишерский писанный камень – на площади 140 м² обнаружено более 6 тыс. разновременных артефактов [Культовые памятники..., 2004, с. 315–316]. Известны культовые места у Алапаевского, Ирбитского, Тагильского, Туринского писаных камней, Балакинской, Першинской, Шайтанской, Шитовской писаниц, Камня Балабан I и др. [Широков, Чаиркин, 2011, с. 17, 30, 35, 38, 41, 87, 102, 116; Дубровский, Грачев, 2010, с. 115, 124, 138].

Восточная Сибирь. В Приамурье А.И. Мазиным древние жертвенники обнаружены у 37 из 52 обследо-

ванных писаниц [1994, с. 36]. В Прибайкалье А.В. Ти- ваненко провел результативные раскопки у подножия 40 петроглифических местонахождений [1994, с. 20]. Н.Н. Кочмар сообщает о 56 жертвенниках, связанных с 19 писаницами Якутии [1994, с. 146]. В бассейне Ангары еще в 1930-х гг. А.П. Окладниковым выделе- но культовое место у писаницы на р. Каменке, в куль- турном слое которого были найдены фрагменты ке- рамики, костяные и бронзовые наконечники стрел, бронзовое тагарское зеркало [1966, с. 103]. Уникаль- ным не только для Ангары, но и для всей Сибири яв- ляется исследованный в 1990-х гг. Ю.А. Гревцовым Усть-Тасеевский культовый комплекс. Его материалы датируются от эпохи раннего железа до этнографи- ческой современности, с преобладанием предметов скифо-сибирского звериного стиля [Дроздов, Грев- цов, Заика, 2011].

Южная Сибирь. На Енисее известно только одно подобное местонахождение, несмотря на многочис- ленные петроглифические комплексы в регионе. Это погребение середины I тыс. до н.э., найденное в 2004 г. при расчистке осыпей Шалаболинской писаницы [За- ика, Дроздов, 2005, с. 113]. В Горном Алтае известен археологический материал из раскопок у петроглифов в Кызык-Телани, Айрыдаше, у с. Кокоря и в урочище Калбак-Таш [Суразаков, 1988, с. 74; Кубарев, Маточ- кин, 1992, с. 24, 25]. Уникален культовый комплекс в гроте Куйлю на р. Кучерле – его культурные отло- жения частично перекрывали рисунки, расположен- ные на вертикальных плоскостях. Здесь обнаружены материалы афанасьевской эпохи, скифского времени, Средневековья и этнографической современности [Молодин, Ефремова, 2010, с. 199].

Для писаниц нижней Томи до недавнего времени такие сведения были фрагментарны. В качестве куль- товых жертвенников рассматривались скопления ко- стей, углей и керамики на склонах Томской писани- цы [Мартынов, 1970, с. 27–28], случайно найденный в расщелине на этом же памятнике бронзовый нако- нечник [Ковтун, 2001, с. 46]. В 2008–2012 гг. у Ново- романовской писаницы раскопана стоянка Долгая-1, часть материалов которой можно достоверно связать с культовыми практиками бронзового века и пере- ходного времени к эпохе железа [Ковтун, Марочкин, 2014]. Предметы культовой металлопластики на па- мятнике пока не найдены, несмотря на многочислен- ную керамику раннего железного века и раннего Сред- невековья (последнее обстоятельство может быть объяснено множеством причин, в т.ч. тем, что, в от- личие от Томской писаницы, Новоромановская рас- положена на низком, ежегодно затопляемом цоколе).

Представляется вполне логичным, что обнаружен- ные у Томской писаницы предметы художественно- го литья – это проявление характерной для Северной Азии трансэпохальной и транскультурной традиции

жертвоприношения у наскальных рисунков. По всей видимости, следует говорить о сочетании традици- онных форм сакрализации, в основе которых лежит практика захоронения вещей в культовых местах. Раз- делить эти традиции можно лишь условно. Не исклю- чено, что петроглифы, нанесение которых изначально было одной из ритуальных практик в рамках культа «особых» мест, превратились в самостоятельный фак- тор их сакрализации.

Заключение

В рамках дискуссии наиболее ранние изображения пи- саниц нижней Томи предлагается датировать неолитом [Окладников, Мартынов, 1972] или самусьским периодом эпохи бронзы [Ковтун, 1993; 2001; Моло- дин, 2016, с. 42, 50]. Выделен пласт рисунков позднего бронзового века [Ковтун, 2001, с. 52, 66; Ковтун, Руса- кова, 2005]. То есть к началу эпохи железа некоторые нижнетомские писаницы существовали уже несколь- ко тысячелетий.

Материалы скифского времени Кузнецкой котлови- ны характеризуют ее как «нейтральную» зону, которая активно осваивалась большереченцами и одновремен- но находилась под влиянием енисейского населения [Бобров, 2013, с. 285]. В качестве сценария их взаимо- действия В.В. Бобров допускает передвижение малых групп. В рамках этого сценария считаем вполне веро- ятным проникновение в Среднее Притомье не только тагарского, но и кижировского (шеломокского) насе- ления, тем более что была общая речная магистраль. Ар- хеологическим подтверждением является найденное изображение лошади/кулана (гипотетически – жертва культовому месту у Томской писаницы).

В конце I тыс. до н.э. в Среднее Притомье пришло позднекулайское население, о чем свидетельствует наличие соответствующих культово-погребальных комплексов и поселенческой керамики [Панкратова, Марочкин, Юракова, 2014]. По мнению Ю.В. Шири- на, кулайский компонент активно участвовал в про- цессах культурогенеза на южной периферии поздне- кулайской общности, в т.ч. и на Томи, что в конечном итоге привело к формированию фоминской культуры II–IV вв. н.э. [2003, с. 158–159].

Одним из возможных вариантов сакрализации кулайцами нижнетомских писаниц было создание собственных наскальных изображений – их наличие неоднократно предполагалось специалистами [Чер- нецов, 1971, с. 105; Бобров, 1978; Ломтева, 1993; Тру- фанова, 2003; Русакова, 2015], хотя и сохраняет дис- куSSIONность (обзор см.: [Ковтун, Марочкин, 2014]). Другим способом могло стать использование пред- метов плоскостного литья для построения сюжетных композиций на какой-то основе, т.е. своеобразная

имитация или замена статичных скальных плоскостей, – это интересное предположение принадлежит В.В. Боброву [2008]. Наконец, третьим вариантом, не исключаям первых двух, было введение некоторых древних писаниц в систему культовых мест с характерной традицией вотивного «захоронения» предметов. Участие кулайского культурного субстрата в формировании раннесредневековых культур Верхнего и Среднего Приобья делает вероятным сохранение этой традиции и во второй половине I тыс. н.э.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.2597.2017/ПЧ. Авторы выражают искреннюю благодарность В.И. Молодину, В.В. Боброву, А.И. Мартынову, Г.С. Мартыновой, И.В. Ковтуну, Л.В. Панкратовой, П.В. Герману за ценные консультации, Л.Ю. Бобровой и Г.С. Мартыновой за возможность публикации ранее неизвестных предметов, а также Е.А. Миклашевич и С.В. Хаврину за организацию и проведение элементного анализа находки 2015 г.

Список литературы

- Амзараков П.Б.** Изображения лошади на двух бронзовых ножах тагарской культуры // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – № 1 (3). – С. 48–50.
- Бадер О.Н.** Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. – 1954. – № 21. – С. 241–258.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – 244 с.
- Бобров В.В.** Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 33–42.
- Бобров В.В.** Новая находка художественной металлопластики кулайской культуры // Тропой тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – С. 144–146. – (Тр. САИПИ; вып. IV).
- Бобров В.В.** Погребения скифского времени Кузнецкой котловины в аспекте культурно-исторических процессов // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 275–286.
- Бородовский А.П.** Средневековая металлическая личина из окрестностей Новосибирска как часть транскультурного предметного комплекса Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 1. – С. 92–96.
- Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л.** Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 77–86.
- Дубровский Д.К., Грачев В.Ю.** Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. – Екатеринбург: Грачёв и партнеры, 2010. – 216 с.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее: Скифское время. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.
- Заика А.Л., Дроздов Н.И.** Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001–2004 годов) // Мир наскального искусства: сб. докл. Междунар. конф. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 111–115.
- Ковтун И.В.** Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – 140 с.
- Ковтун И.В.** Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.
- Ковтун И.В., Марочкин А.Г.** Мифокалендарные ритуалы на местонахождении Долгая-1 у Новоромановской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 17–24.
- Ковтун И.В., Русакова И.Д.** Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 352–354.
- Кочмар Н.Н.** Писаницы Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 263 с.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.
- Кузнецов Н.А.** Бронзовые изображения птиц в памятниках верхнеобской культуры // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Полиграфист, 2013. – Вып. 4. – С. 5–18.
- Культовые памятники горно-лесного Урала.** – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 430 с.
- Ломтева А.А.** К вопросу о хронологической и культурной принадлежности петроглифов Новоромановской писаницы // Современные проблемы исторического краеведения. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – С. 18–21.
- Мазин А.И.** Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 100 с.
- Мартынов А.И.** Эхо веков. – Кемерово: Кн. изд-во, 1970. – 52 с.
- Мартынов А.И.** К вопросу о послетагарском искусстве Южной Сибири II–I вв. до н.э. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1976. – С. 34–43. – (Изд. Лаборатории археологических исследований; вып. 8).
- Могильников В.А.** Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. – 1968. – № 1. – С. 263–268.
- Молодин В.И.** Меч каролингов. – Новосибирск: Информ, 2006. – 144 с.
- Молодин В.И.** Наскальные изображения Бии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 112 с.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С.** Грот Куйлю – культовый комплекс на р. Кучерла (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 217 с.; 1970. – Ч. 2. – 262 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 272 с.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. – М.: Искусство, 1972. – 255 с.

Панкратова Л.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Культовый комплекс кулайской культуры в Кузнецком Приобье // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 108–115.

Плетнёва Л.М. Предметы звериного стиля в Среднем Приобье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 235–241.

Плетнёва Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. – 190 с.

Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 120–135.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 92 с.

Русакова И.Д. Плоскость шесть Томской писаницы: новые материалы // Научное обозрение Саяно-Алтая. Сер.: Археология. – 2015. – № 1 (9), вып. 2. – С. 78–89.

Суразаков А.С. Археологические работы ГАНИИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 56–83.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 201 с.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 206 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 146 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистика-иконографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2003. – 26 с.

Чемякин Ю.П. Культовая металлопластика сургутского варианта кулайской культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 137–141.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971. – Ч. 2. – 148 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 255 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 184 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – С. 152–162.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.

Широков В.Н., Чаиркин С.В. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. – Екатеринбург: [б. и.], 2011. – 182 с.

*Материал поступил в редколлегию 12.01.16 г.,
в окончательном варианте – 19.02.18 г.*